

Т.Г. РУМЯНЦЕВА

**РАБОТА И. КАНТА «ГРЕЗЫ ДУХОВИДЦА, ПОЯСНЕННЫЕ ГРЕЗАМИ МЕТАФИЗИКИ»
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО ТИПА МЕТАФИЗИКИ**

Посвящена полемике между двумя выдающимися людьми – И. Кантом и Э. Сведенборгом – шведским мыслителем, ученым и христианским мистиком. Показано, что творчество Сведенборга стало для Канта важным поводом для осмысления серьезных философских вопросов, касающихся природы и границ человеческого познания – главной проблемной области метафизики.

The article is devoted to the dispute between two eminent men – I. Kant and E. Swedenborg – Swedish philosopher, scientist and Christian mystic. It is shown that the work of Swedenborg for Kant was important for thinking about serious philosophical questions on the nature and limits of human knowledge – the main area of concern of metaphysics.

В 1766 г. Кант анонимно опубликовал работу под названием «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики». Направленная против шведского мистика Сведенборга, она представляла собой не только радикальную критику, но и язвительный разбор его теоретических взглядов и мистической практики. К этой работе тесно примыкает еще один, совсем небольшой текст – письмо Канта к фрейлейн фон Кноблах, датированное 10 августа 1763 г. В свое время она обратилась к Канту с просьбой,

чтобы тот разъяснил ей, насколько правдоподобны ходившие в обществе рассказы об общении Сведенборга с душами умерших. Это и стало своего рода поводом для обращения философа к подробному изучению трудов шведского мистика. В данной статье мы попытались, однако, выявить более глубокие истоки кантовского интереса к творчеству Сведенборга и показать, что они были тесно связаны с философскими поисками самого немецкого мыслителя.

«Грезы духовидца» представляли собой скорее аналог «полезной беседы», чем результат тяжелого умственного труда; доступную здравому человеческому смыслу и раскрепощенную «игру мысли», нежели глубокое научное изыскание. Стиль здесь и в самом деле ажурный в исполнении и легкий в восприятии. Даже название работы заставляло усомниться в том, что она действительно написана серьезным ученым. Кажется, что вместо того, чтобы поставить под сомнение многие теоретические положения старой метафизики, автор книги «с юмористическим превосходством обыгрывает все ее понятия и делания, дефиниции и различия, категории и цепи логических умозаключений»¹. Работа полна сатирической необузданности, насмешек, иронии и шуток.

Что касается так называемой внешней истории работы, то она достаточно интересна. Чтобы ее осветить, следует обратиться к уже ранее упомянутому письму к фрейлейн Кноблех, в котором Кант и описал подробно то, как, когда и почему он впервые обратил внимание на чудеса, совершаемые «духовидцем» Сведенборгом. Здесь же он написал и о том, что, собственно говоря, буквально вынудило его глубоко вчитаться в главный труд шведского мистика под названием «О небесах, о мире духов и об аде». Кант пишет, что он не мог не «исполнить повеление дамы», а также что он предварительно собирал подробные сведения по данному вопросу и только после всего этого приступил к своему рассказу. В самом начале письма он сообщает, что вряд ли кто-нибудь замечал в его характере склонность к вере в чудеса или легкое верие, что, вопреки всем рассказам о видениях и о действиях мира духов, он всегда старался следовать здравому смыслу, склоняясь в сторону отрицания такого рода вещей. При этом он прекрасно осознавал тот факт, что наука очень мало знала в те времена о природе духа, да и сам он не мог с очевидностью утверждать, что ему лично ясна и понятна возможность такого рода явлений. Эти рассказы показались ему не только недостаточно обоснованными, но и бесполезными. Далее в письме он сообщает, что датский офицер, от которого он узнал эту историю, сам услышал о ней из письма барона фон Лютцова, которому поведали о ней во дворе шведской королевы, поэтому ему было чрезвычайно трудно допустить обман в присутствии столь избранного общества. Философ решил ближе ознакомиться с этой историей и написал упомянутому офицеру в Копенгаген, поручив тому собрать все возможные подробности. После этого было написано еще одно письмо – уже самому Сведенборгу, который, как ему передали, принял его благосклонно и обещал ответить Канту, хотя ответа так и не последовало. Позднее Сведенборг сообщит, что даст подробный ответ в своей книге, которая в самое ближайшее время будет издана в Лондоне. Однако Кант и на этом не успокоился, попросив одного «очень приличного» англичанина во время его поездки в Стокгольм собрать еще более точные сведения относительно дара господина Сведенборга общаться с невидимым миром духов. Тот и передал ему историю по крайней мере о двух таких происшествиях, которые он имел возможность проверить на месте, апеллируя к свидетельствам многочисленных и все еще здравствующих очевидцев. Здесь имеется в виду случай с вдовой ювелира, которой Сведенборг помог отыскать нужную квитанцию, беседуя якобы с духом ее покойного мужа; и предсказанный им стокгольмский пожар, сведения о котором полностью подтвердились буквально через несколько дней.

Размышляя о достоверности этих происшествий, Кант пишет, что его приятель рассказал ему «о способе, каким господин Сведенборг общается с духами и изложил его идеи о состоянии душ умерших»². При этом он сожалеет, что сам не может встретиться с этим удивительным Сведенборгом, и потому ему остается лишь с нетерпением ждать выхода его книги.

Однако на этом история на тему «Кант и Сведенборг» явно не заканчивается. Ясно, что просьба фрейлейн Кноблех, как бы галантно Кант ее не обыграл, не может быть воспринята нами всерьез, когда речь заходит о причинах его интереса к шведскому мистику. Обратимся за ответом к тексту самого введения к «Грезам духовидца», в котором Кант, как кажется, и дает нам этот ответ, когда пишет: «С некоторым смирением он признает, что таким образом он искренне хотел доискиваться правды в некоторых рассказах упомянутого рода. Он нашел, как это всегда бывает, когда искать нечего... он не нашел ровно ничего. Такой результат уже сам по себе служит достаточным основанием, для того чтобы написать книгу. Сюда прибавилось еще одно обстоятельство, не раз вынуждавшее скромных авторов сочинять книги, а именно неотступные просьбы знакомых и незнакомых друзей. Кроме того, была куплена толстая книга и – что еще хуже – книга была прочитана: труд этот не должен был пропасть даром. Таково происхождение настоящего сочинения»³.

Однако истоки кантовского интереса лежали гораздо глубже. Вряд ли бы он столь подробно занялся Сведенборгом, если бы то, что он в нем нашел, не оказалось в удивительной для него самой связи с основным философским вопросом, к которому его привело собственное внутреннее развитие. Сведенборг стал для Канта своего рода «карикатурой любой метафизики сверхчувственного». Фанта-

стические видения шведского мистика он, по сути, приравнял к «воздушным замкам в мире идей» – т. е. теоретическим системам, воздвигаемым современными ему метафизиками. Об этом свидетельствует и сам текст первой, так называемой догматической части работы, в которой философ ни разу даже не упоминает имени Сведенборга, целиком посвящая ее критике тогдашней метафизики. Для Канта фактически нет существенной разницы между воображением духовидцев-визионеров и системами философии наиболее популярных тогда метафизиков в лице Вольфа и Крузия, которые, как пишет он, построили свои учения «не столько из эмпирического материала, сколько хитростью приобретенных понятий»⁴. Вместо того чтобы апеллировать к данным опыта и познавать «здесьшний мир», они «прилежно и сосредоточенно направляют свои метафизические стекла на те отдаленные миры и умеют рассказывать нам о них разные чудеса», ссылаясь исключительно на сверхчувственные данные и факты⁵. Вся разница между теми и другими состоит для Канта лишь в том, что метафизики – это «сновидцы ума» или «грезящие в области разума», а духовидцы – «сновидцы чувств» или «грезящие в области ощущений», вступающие в сношения с духами, и притом на тех же основаниях, что и первые. При этом никакая, даже самая искусная архитектоника построения не может, по Канту, возместить недостаток «строительного материала». Он полагает, что и те и другие видят то, что не видит ни один другой здоровый человек, и имеют общение с существами, которые никому другому себя не открывают, какими бы острыми чувствами он не обладал. Такого рода явления он сводит к чистой игре воображения и называет *грезами* – откуда и название работы. Грезы же, по Канту, – это субъективно измышленные образы, которые обманывают чувства, представляясь как бы действительными предметами. Конкретизируя дальше различия между метафизиками и духовидцами, философ называет первых «бодрствующими сновидцами», которые настолько углубляются в вымыслы и химеры своего богатого воображения, что вообще мало обращают внимания на свои чувственные восприятия и вовсе не занимаются точнейшей и терпеливейшей проверкой этих своих «данных» в опыте. Духовидцы же наяву и часто при исключительной яркости других ощущений относят те или иные предметы в места, занимаемые другими внешними вещами, которые они действительно воспринимают, а затем перемещают этот свой обман воображения вовне себя. Канту не понятно, каким путем душа ставит эти свои внутренние образы в совершенно другое отношение, перемещает их куда-то *вне* человека и превращает в предметы, возбуждающие в ней действительные ощущения. Во всем этом ему видится не более чем обман. Поэтому он и призывает своего читателя не считать этих духовидцев «наполовину принадлежащими какому-либо иному миру, а записать их в кандидаты на лечение в больнице» и избавить себя от всякого дальнейшего исследования всех этих связанных с миром духов проблем. И если прежде такого рода adeptов мира духов считали нужным иногда предавать *сожжению*, то теперь, с юмором пишет он, совершенно достаточно дать им *слабительного*. Это, по Канту, гораздо более эффективное средство, чем при помощи метафизики отыскивать какие-то тайны в воспаленном мозгу всех этих фантазеров. И уж совсем сбиваясь на шутивно-иронический, если не сказать хулиганский, тон, он ссылается на слова некогда весьма популярного героя одноименного сатирического стихотворения английского роялиста Сэмюэля Батлера – *Гудибраса*: «Когда *ипохондрический ветер гуляет по нашим внутренностям, то все зависит от того, какое направление он принимает: если он пойдет вниз, то получится неприличный звук, если ж он пойдет вверх, то это видение или даже священное вдохновение* (курсив И. Канта)»⁶.

Главную причину того, что рассказы о духах, «состоящие из одного только воздуха на чаше умозрений», приобрели всеобщее доверие в обществе, Кант усматривает в той «обольщающей надежде», что каким-то образом человеческая жизнь может продолжаться и после смерти. Однако вопросы о духах, а именно: каким образом они присутствуют в этом мире, как нематериальное существо может действовать в теле и через него? – все это, по Канту, находится вне сферы компетенции науки. Он считает свое исследование вполне исчерпывающим все философские усмотрения по данной теме, т. е. по вопросу о духовных сущностях; более того, он полагает, что, сколько бы самых различных мнений не приводилось об этом впредь, люди никогда не смогут *узнать* здесь ничего больше. В природе, по Канту, вообще нет доступного нашим чувствам предмета, о котором мы могли бы когда-нибудь сказать, что наше наблюдение или разум его целиком и полностью *исчерпали* потому, что природа беспредельно разнообразна, а человеческий ум, увы, ограничен.

Однако учение о духовных сущностях, по Канту, можно и завершить, но только в *отрицательном* смысле. Он имеет в виду здесь то, что существуют четкие границы нашего понимания этого мира и единственное, что нам дозволено познать, – это разнообразные явления жизни в природе и их законы. Что же касается самого принципа этой жизни, т. е. духовной природы, о которой ничего не знают, а только строят предположения, то о ней вообще нельзя мыслить положительно. Для этого у нас нет никаких данных во всей системе наших ощущений; наш разум совершенно лишен здесь какой-либо опоры на опыт и на умозаключения и покоится исключительно на выдумке. Кант полагает, что вопрос о духах, представляющий обширную часть метафизики, им окончательно решен и возвращаться к нему нет никакой необходимости.

Только во второй, исторической, части своего исследования он обращается к фигуре господина Сведенборга, пересказывая ранее упомянутые в письме к фрейлейн фон Кноблах истории о видениях шведского мистика. Он использует их здесь в качестве примеров, призванных продемонстрировать «праздный» характер вопросов, с которыми часто сталкивается философия. Речь идет, в частности, о таких ситуациях, когда кое-что она не может *безнаказанно* подвергать в них *сомнению*, а кое-чему она не может *верить*, не подвергаясь в то же время осмеянию. Оба затруднения равно имеют место именно тогда, когда речь заходит о широко распространенных в обществе рассказах о духах. И хотя ни одна академия наук, считает он, никогда не решится объявить премию за сочинение на подобную тему, таким рассказам все равно тайно верят. Характеризуя род занятий Сведенборга, Кант иронически замечает, что тот, «по его словам, уже больше двадцати лет состоит в самых тесных сношениях с духами и душами усопших...»⁷.

Далее Кант задается вопросом о том, что же могло побудить его самого заняться таким презренным делом, как распространение слухов и сказок и включение их в текст серьезного философского исследования. Здесь мы приближаемся, наконец, к ответу на вопрос об *истинной причине*, вынудившей его всерьез заняться трудами Сведенборга. Кант апеллирует здесь к той философии, разбору которой он посвятил предыдущую часть своего исследования. Он называет ее точно такой же «сказкой из страны чудес метафизики», как и те, что распространяются вокруг имени Сведенборга. Для него нет существенной разницы в том, чем быть обманутым – слепой верой в мнимые доводы разума (когда речь идет о метафизике сверхчувственного) или неосторожной верой в ложные рассказы о Сведенборге и его царстве духов. С некоторой долей насмешки и иронии он приглашает всех тех, кому эти рассказы о духах кажутся важными, отважиться вместе с ним в путешествие с тем, чтобы проверить все эти измышления. Он подвергает тщательному анализу содержание огромного сочинения Сведенборга, состоящего из восьми томов, которое тот под названием «*Arcana coelestia*» («Небесные тайны») предлагает миру как новое откровение. При этом Канта мало волнуют видения шведского мистика, которые тот использует для раскрытия тайного смысла первых двух книг Моисея или для такого же толкования Священного писания. Он считает нужным остановиться только на тех фрагментах его сочинения, которые непосредственно касаются того, что Сведенборг видел собственными глазами и слышал собственными ушами. Здесь Кант усмотрел благодатный материал, который очень близко связан с его *критикой метафизики сверхчувственного*. При этом он не был склонен относить рассказы Сведенборга к умышленному обману; для него это был скорее результат какого-то «*фантастического созерцания*». Поэтому он считает важным для себя сделать из них важные извлечения. Толково изложенный обман чувств становится для Канта гораздо более интересным явлением, чем какие-то «заблуждения ума безмозглых резонеров», причины которых не только достаточно известны, но и сравнительно легко могут быть устранены за счет обуздания пустого любопытства. Даже мнимый опыт видений Сведенборга оказался для него вещью куда более поучительной, нежели мнимые доводы разума. Из всех «видений» он анализирует те, которые были у Сведенборга ежедневно и на которых были построены его рассказы о духах. И хотя все люди, по Сведенборгу, так или иначе, связаны с миром духов, только у него *внутренний мир раскрыт* и находится в постоянной связи с миром духов.

После достаточно пространных изложений представлений Сведенборга Кант настаивает на недоказуемости видений шведского мистика. Историческая часть кантовских рассуждений заканчивается попыткой оправдаться перед читателями, чтобы те не судили его строго за выбор столь неблагоприятной темы. Однако Кант не был бы Кантом, если бы он не преследовал другую, более важную, и, несомненно, единственно подлинную цель. Он не без гордости скажет, что достиг ее. Такой целью стала для него *метафизика*, которая и составляла суть всей его философской работы. Так, уже задолго до «Критики чистого разума» он пытался осмыслить многие проблемы метафизики, настойчиво проводя мысль о необходимости проверки ее положений. Для реализации этой цели ему и послужит творчество Сведенборга. В резко сатирической форме обыгрывая традиционные понятия, дефиниции и цепочки логических умозаключений тогдашней метафизики, он иронизирует по поводу метафизических поисков сверхчувственного мира в трудах шведского мистика.

Говоря о той пользе, которую принес ему этот труд, Кант полагает, что она заключается в том, что «метафизика следит за тем, исходит ли задача из того, что доступно знанию, и каково отношение данного вопроса к приобретенным опытом понятиям, на которых всегда должны быть основаны наши суждения». В этом смысле метафизика ассоциируется у Канта с *наукой о границах человеческого разума*. В данном сочинении он еще не обозначил с точностью этих границ нашего познания, но важные наметки в этом направлении им уже были сделаны. Так, он решительно освободил внимание читателя от тщетных поисков ответов на вопросы в потустороннем мире духов, рассеял ложные иллюзии и пустое знание, освободив тем самым место для мудрости и полезных наставлений. Здесь он с юмором ссылается на сходство сложившейся ситуации с той, что, согласно молве, приписывалась когда-то древнегреческому философу Диогену, который якобы сказал своим зевающим слушателям при

виде последней страницы одной скучной книги: «Смелей, господа, я вижу берег»⁸. Припомнил он здесь и другого величайшего мыслителя древности – Демокрита, который, как и читатели Канта до знакомства с его книгой о Сведенборге, блуждал в пустом пространстве, куда он вознесся на *крыльях мотыльков* метафизики и развлекался там духовными видениями. Теперь же кантовская «вяжущая сила самопознания» подрезала эти шелковые крылышки, благодаря чему и произошло возвращение «на низкую почву опыта и здравого смысла», которую ни в коем случае нельзя покидать безнаказанно.

В так называемом практическом выводе из всего сочинения Кант формулирует целый ряд положений, для обоснования которых и был написан текст работы. Познакомившись с ними, лишней раз убеждаешься, что действительно фигура Сведенборга стала для него только поводом для осмысления куда более важных философских вопросов. И тем не менее именно благодаря этому анализу Кант сумел убедительно выразить давно созревшие в его уме положения относительно *природы и границ человеческого познания*, что, на его взгляд, и составляет главную проблемную область метафизики. Чрезвычайно актуально, на наш взгляд, звучат сегодня его выводы о том, что настоящий ученый должен не просто удовлетворять *всякую* любознательность, но и уметь ставить пределы жажде человеческого познания там, где начинается невозможное. Перед человеком и человечеством, по Канту, всегда возникает множество задач, и истинная мудрость заключается как раз в том, чтобы избрать именно те задачи, которые важны для людей. Зрелый, обладающий опытом разум должен знать не только то, без чего человечество прекрасно может обойтись, но и невозможное. Кант имеет в виду здесь то, что подлинная наука должна уметь определить *границы*, установленные ей природой человеческого разума, только тогда она и станет истинной спутницей мудрости. Сегодня же, полагает Кант, она еще от этого бесконечно далека, так как многие продолжают придерживаться той точки зрения, что следует постоянно и без разбора расширять наши знания, тем более что это доставляет удовольствие, приводит в движение все силы ума и «своей возвышенностью вовлекает человека в состязание умозрения, мудрствующего без разбора, решающего, поучающего или опровергающего, как это всегда бывает с мнимым глубокомыслием»⁹. Кант же полагает, что настоящее философское исследование, признающее не только предметы, но и их отношение к человеческому рассудку, сразу суживает границы нашего познания и «устанавливает рубеж, который никогда больше не позволяет исследователю выйти из свойственной ему области».

Так и в случае со Сведенборгом Канту понадобилась философия, чтобы показать трудности, возникающие всякий раз, как только исследование вступает в область познания, находящуюся вне кругозора человека. Четко определяя круг задач и компетенции философии, мыслитель сводит их к разгадке ряда сложных явлений и к вещам более простым. Все основные понятия о вещах должны браться только из опыта, иначе они не смогут быть ни доказаны, ни опровергнуты. Если же опираться только на вымыслы и так называемый мнимый опыт, который нельзя будет согласовать с законами человеческого восприятия этого мира, то такого рода опыты не будут иметь доказательной силы и служить основанием для законов нашего опыта. Во всех тех случаях, которые Кант рассмотрел применительно к «делу Сведенборга», никакое «убеждающее и философское уразумение *невозможно*». Разум человека не может пробиться в тайны сверхчувственного мира, поэтому всем, кого волнуют эти материи, философ советует немного потерпеть, пока они сами туда не попадут.

Кант завершает свой труд словами великого Вольтера, который, учитывая, что судьбы людей в этом мире во многом зависят от того, как они действовали в мире земном, призывал их «возделывать свой сад», заботясь о будущем счастье¹⁰.

¹ Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб., 1997. С. 71.

² Кант И. Письмо о Сведенборге к Фрейлейн Шарлотте фон Кноблех // Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 2. С. 360.

³ Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики // Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 2. С. 294.

⁴ Там же. С. 320–321.

⁵ Там же. С. 320.

⁶ Там же. С. 328.

⁷ Там же. С. 333.

⁸ Там же. С. 349.

⁹ Там же. С. 350.

¹⁰ Там же. С. 355.

Поступила в редакцию 22.12.11.

Татьяна Герардовна Румянцева – доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры.